

СЕМИНАРСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 8 КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Основные термины и понятия темы:

Генеалогическая классификация языков – распределение языков на семьи, группы и подгруппы по признаку их генетического родства.

Языковая семья – совокупность родственных между собой языков.

Праязык – общий предок ряда родственных языков.

Морфологическая, или типологическая, классификация языков – распределение языков на типы по общим признакам их морфологической структуры.

Ареальная классификация языков – распределение языков или групп языков по занимаемой ими территории.

Ареал – границы распространения отдельных языковых явлений и их совокупностей, а также отдельных языков или групп языков.

Языковой союз – особый тип языковой общности, включающий в себя различные языки в границах одного географического пространства.

Функциональная классификация языков – распределение языков по выполняемым ими общественным функциям.

Вопросы для обсуждения:

1. Языки мира.
2. Генеалогическая классификация языков.
3. Типологическая, или морфологическая классификация языков.
4. Ареальная и функциональная классификации языков.
5. Социальная обусловленность развития языков.
6. Внешние и внутренние законы развития языка.

Персоналии:

Франц Бопп (1791-1867) – немецкий ученый, один из основоположников сравнительно-исторического метода изучения языков. Автор трехтомной “Сравнительной грамматики санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков”. Ввел термин “индоевропейские языки”.

Расмус Христиан Раск (1787-1832) – датский исследователь, который одновременно с Боппом, но независимо от него начал исследование индоевропейских языков. Владел 25 языками, является автором грамматик испанского, итальянского, шведского и других языков. Главный труд в области сравнительно-исторического описания языков – “Исследование в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка”.

Фридрих Шлегель (1772 – 1829) – немецкий ученый, представитель романтизма, один из основателей сравнительно-исторического метода в языкознании. В своей известной книге «О языке и мудрости индийцев» показал родство санскрита с латинским, греческим, персидским и германскими языками. В этой работе впервые встречается термин «сравнительная грамматика».

Виталий Иванович Кодухов (1919 – 1996) – русский языковед, специалист в области общего языкознания. Автор известных учебников «Введение в языкознание» и «Общее языкознание».

Вопросы и задания для контроля и самопроверки:

1. Назовите основные классификации языков.
2. Что такое праформа, праязык, языковая семья, языковая группа?
3. Какие основные семьи и группы языков выделяют на основе генеалогической классификации?
4. Какие группы языков входят в индоевропейскую семью?
5. Какие языки выделяются на основе типологической классификации? Чем они различаются?
6. Какие основные понятия связаны с ареальной классификацией языков?
7. Чем характеризуется функциональная классификация языков?
8. Что такое языковая ситуация?
9. Какая историческая закономерность прослеживается в развитии языков?
10. Назовите основные пути образования национальных литературных языков.
11. Расскажите о внешних законах развития языка.
12. Приведите примеры внутренних законов развития языка.

Темы рефератов:

1. Общая характеристика восточнославянских языков.
2. Общая характеристика западнославянских языков.
3. Общая характеристика южнославянских языков.
4. Звуковые законы русского языка.

Литература:

1. Бенвенист Э. Классификация языков / Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 36-55.
2. Булахов М.Г. Славянские языки: происхождение, история, современное состояние. Минск, 2001.
3. Вендина Г.И. Введение в языкознание. М., 2003.
4. Гируцкий А.А. Введение в языкознание. 3-е изд. Минск, 2005.
5. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
6. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990.
7. Камчатнов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание. М., 1999.
8. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. 5-е изд., стер. М., 2006.
9. Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс. М., 2004.
10. Норман Б.Ю., Павленко Н.А. Введение в языкознание. Хрестоматия. 2-е изд. Минск, 1984.
11. Поливанов Е.Д. Введение в языкознание. 3-е изд. М., 2006.
12. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 5-е изд. М., 2004.
13. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990.

14. Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию. 2-е изд., перераб. Минск, 1989.
15. Сцяцко П.У. Уводзіны ў мовазнаўства. Гродна, 2001.
16. Теоретические основы классификации языков мира / Под. ред. В. Н. Ярцевой. М., 1980.

ТЕКСТЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

ТЕКСТ 22. Ю.В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

* * *

Юрий Владимирович Рождественский (1926 – 1999)

Ю.В. Рождественский – русский востоковед, один из известных китаистов, специалист в области общего языкознания. Работы «Типология слова» (1969), «Введение в общую филологию» (1979), «Лекции по общему языкознанию» (1990).

Значительны и оригинальны его работы по истории языкознания. Сюда относится книга «Очерки по истории лингвистики» (1975), написанная вместе с Т.А. Амировой и Б.А. Ольховиковым.

Многие труды Ю.В. Рождественского посвящены риторике, культуре речи, соотношению языка и культуры: «Техника. Культура. Язык» (1993), «Введение в культуроведение» (2-е изд., 1999), «Теория риторики» (2-е изд., 1999).

* * *

Сравнительно-историческое языкознание рассматривает историю выражения конкретных значений и эволюцию языка в связи с его историей. Оно дополняет типологию языков. Типология языков исследует языковую форму как средство выражения значений. Сравнительно-историческое языкознание исследует историю конкретных значений (лексических и грамматических) в связи с эволюцией их выражения в языковой форме.

Сравнительно-историческое языкознание начинает анализ с того, что, заимствуя типологические данные, очерчивает круг языков, которые могут восходить к общему источнику, т. е. круг предположительно родственных языков. Однако типологическое сходство не доказывает родства языков. Например, тюркские и монгольские языки обладают заметным типологическим сходством, но относятся к разным семьям.

Тем не менее до доказательства родства языков формируется гипотеза о вероятном родстве некоторой группы языков на основании сходства их типологических черт. Эта гипотеза верифицируется, принимается или отвергается в ходе сравнительно-исторического исследования. Многие языковые семьи в настоящее время намечены гипотетически по типологическим данным, но не верифицированы сравнительно-историческим языкознанием или верифицированы не полностью. Например, кавказские языки по типологическим данным составляют как бы одну семью, но эта гипотеза верифицирована только для групп кавказских языков. Поэтому по данным сравнительно-исторических исследований можно говорить пока

только о трех языковых семьях типологически близких кавказских языков. Семитские и хамитские языки, несмотря на типологическую близость, считались разными языковыми семьями, пока не было доказано их происхождение из общего языка-основы.

До начала сравнительно-исторического исследования гипотеза о родстве группы языков поддерживается еще и наличием некоторого количества слов, имеющих сходное звучание и значение. Однако сходство словаря не считается доказательством родства языков, оно может быть следствием культурного влияния. Например, в японском языке до 70 процентов слов – китайского происхождения, но эти языки неродственны. В кхмерском языке очень много слов, заимствованных из пали но эти языки также неродственны. Однако сходство словаря – исключительно важный гипотетический признак родства языков.

Типологические признаки в сочетании со сходством словаря позволяют наметить гипотезу родства языков более уверенно. Например, малайско-полинезийские языки обладают заметным типологическим сходством между собой и демонстрируют сходство словаря. Это позволяет высказать мысль об их родстве и гипотетически предположить, что эти языки составляют единую семью. Однако это только гипотеза, пока она не верифицирована (фонетическими законами, морфологическими соответствиями). Гипотезы такого рода могут оказаться в общем справедливыми, но очень неточными в деталях. Так, английский и латинский языки обладают заметной общностью словаря и большим типологическим сходством, но, как выяснилось, относятся к разным группам одной языковой семьи. Иногда такие гипотезы могут оказаться совершенно неверными. Например, существовало предположение о родстве вьетнамского языка с китайским. Оно основывалось на разительном типологическом сходстве и общности значительной части словаря. Но исследования показали, что эти языки относятся к разным языковым семьям – китайско-тибетской и монкхмерской, а общность словаря является следствием культурного влияния.

Тем не менее построение гипотез о родстве языков необходимо: это позволяет установить круг языков, подлежащих исследованию. Гипотеза ограничивает состав сравниваемых языков, так как подбор любых произвольно избранных языков привел бы к напрасной трате сил и времени.

После того как с помощью гипотезы о родстве языков образована база сравнения, переходят к верификации гипотезы, которая составляет суть сравнительно-исторического исследования. Основой сравнительно-исторического метода является полная индукция. Вывод делается по всей совокупности языковых фактов. Неполная индукция применяется только тогда, когда вся совокупность фактов почему-либо недоступна. Поскольку всю совокупность языковых фактов получить и обзреть сразу не удастся, постольку в процедуру сравнения постоянно включаются новые факты, а это нередко изменяет выводы.

Кроме отбора языков важно разработать язык сравнения. Это термины, характеризующие слово и его части, и термины, характеризующие звуки.

Из характеристик слова и его частей можно вывести понятие границ слова. Это понятие определяется соотносительно с понятием морфемного состава слова: корень, основа, аффиксы и позиционные классы аффиксов (префиксы, суффиксы, окончания), явления, переходные между аффиксами и отдельными звуками, такие, как внутренняя флексия, тематические звуки, инфиксы, особенно представленные отдельными звуками, и типы ударения. Кроме этого, устанавливаются термины для характеристики морфологических процессов: переразложение, опрощение, редукция, гаплогия. Иногда вырабатывается символика для обозначения морфологических явлений.

Для характеристики звуков устанавливаются термины, определяющие качество звуков, номенклатура дифференциальных признаков звуков (обычно путем классификации звуков речи), термины основных фонетических процессов (аккомодация, ассимиляция, редукция и ее разновидности), термины, определяющие соотношение звуков речи с буквами. Вырабатывается транскрипция.

Основные термины для обозначения семантических процессов берутся из риторической и поэтической стилистики: метафора, метонимия, литота, гипербола, ирония, перенос названия по функции.

Вслед за этим даются правила орфографии разных языков с целью описания стоящих за ними явлений в единых терминах. Эта работа аналогична выработке языка-эталона в типологии, так как данная терминология устанавливает единое основание сравнения.

Отыскание языкового родства связано с проникновением в дописьменное состояние языков. Но это проникновение совершается от произведений слогосности, существующих в письменной фиксации. Письменная фиксация определенным образом искажает картину звукового (живого, т. е. подвижного в реализации) языка.

Разработка терминологии решает, таким образом, две задачи: установления основания сравнения и критики письменных текстов с точки зрения раскрытия стоящего за ними звукового языка. Легко видеть, что разработка терминологии, устанавливающей основание сравнения, позволила детально представить действие артикуляционного аппарата и уточнить детали структуры слова, что помогло выявить многие тонкости в выражении словесного значения с помощью звуков.

Сравнение предположительно родственных языков начинается со сравнения словаря. В составе общего словаря могут находиться как исконные слова, так и заимствования. Поэтому для первоначального сравнения берется не весь массив общих слов, а только те, которые по своему значению могли бы оказаться наиболее древними словами. Это следующие смысловые группы слов: имена божеств, термины родства, названия частей тела, животных, основных стихий и частей ландшафта, простых видов пищи,

основных орудий и инструментов, простые числительные. Эти смысловые группы слов, объединяющие предположительно самые старые слова языка, должны быть равно представлены в сравниваемых языках, так как в бесписьменных языках отсутствует лексика, связанная с цивилизацией (слова, содержащие понятия о государстве, гражданстве, относящиеся к документально-письменной речи и т. п.). Поэтому отбираются слова, которые могли бы составить основу дописьменной речи.

Слова данных тематических групп сравниваются в предположительно родственных языках. При этом близкие по значению и звучанию слова становятся предметом непосредственного анализа, а слова, различающиеся по звучанию и значению, оставляются для последующего анализа. Например, русск. *мать* сопоставляется с лат. *mater*, а русск. *уй* не находит аналога в латинском и исключается. При таком сопоставлении возникают свои списки общих слов для каждой пары родственных языков. Эти списки частично перекрывают друг друга, а частично расходятся.

Целью такого сравнения, помимо установления характера соотношения общих слов в разных языках, является также анализ фонетической и морфологической структур слова. Дело в том, что близкие по звучанию слова в сравниваемых языках обладают и сходством и различием. Различие может быть связано с различием морфологического или фонетического состава слов. Например, лат. *imus* и нем. *ist* различаются фонетическим составом, тогда как лат. *gnosio* и нем. *wieβ* различаются еще и морфологически.

Морфологические и фонетические различия могут быть суммированы. Для этой цели составляются списки родственных частей слов: корней и аффиксов. Сопоставление далее может вестись уже не по словам, а по корням и аффиксам. Сопоставление частей слов существенно расширяет базу сравнения. Общих частей слов в родственных языках значительно больше, чем общих слов. Это является одним из признаков родства языков: если число общих частей слов превышает число общих слов, то языки родственны, если же число общих слов превышает число общих частей слов, то неродственны или отдаленно родственны...

В индоевропейском языкознании, в тюркологии и монголистике первым доказательством родства языков внутри семей было установление сходства аффиксаций (единство систем склонения и спряжения для индоевропейских, тюркских и монгольских языков соответственно). Сходство грамматических частей слов по звучанию и значению доказало этимологическое единство грамматических систем внутри каждой семьи языков.

Для некоторых языков установить родство по данным грамматики не удастся. Это бывает в том случае, когда в языках либо отсутствует система склонения и спряжения, как в древнекитайском, либо она нова и образовалась в исторически обозримое по наличным текстам время. Поэтому, например, сравнение аффиксации китайского (современного и древнего) и тибетского языков бессмысленно.

Аффиксы родственных слов при систематическом сравнении выстраиваются обычно в определенную систему, где представлены общие и необщие элементы. В некоторых случаях это позволяет наметить типологическую гипотезу о происхождении аффиксации в данной языковой семье. Ф. Бопп (1791 – 1867) из сравнения аффиксов склонения и спряжения вывел гипотезу о соединении и позднейшем слиянии личных местоимений с корнями как типологическом механизме образования аффиксации. Однако данные тюркологии и монголистики обнаруживают только исторически более древние и более новые аффиксы, типологическая же сторона тюркской и монгольской аффиксации в ее историческом развитии остается неизменной.

Вслед за аффиксами сравниваются корни гипотетически родственных языков, что также дает возможность показать фонетическое сходство и несходство слов и частей слов родственных языков. Это сходство и несходство получает название фонетических соответствий. <...>

Если устанавливается историческая преемственность сравниваемых языков, то соответствия в звуках общих слов, корней и аффиксов в исторически преемственных родственных языках получают названия фонетических (или звуковых) законов. Фонетический закон устанавливается сравнением звуков по их позициям в словах и морфемах. Например: готск. *widuwō* – н.-в.-нем. *wituwa* «вдова». Закономерное изменение ряда звуков распространяется не только на слова с однородным значением, но и на другие исконные слова и обнаруживает относительную самостоятельность эволюции звуков речи. Фонетические законы объясняют историческую преемственность языков. Наличие фонетических законов, связывающих сходные и не сходные по значению слова, указывает на историческую непрерывность и историческую изменчивость материала речи и является важным методологическим достижением сравнительно-исторического языкознания.

Морфологические соответствия и фонетические законы позволяют раскрыть историческую преемственность и относительную нестабильность морфологического состава слова. Исторические изменения в членимости слов на морфемы происходят под влиянием эволюции звуков, с одной стороны, и систематизации членимости слов (аналогий) – с другой. Например: *пеку* – *печешь*, *пекарь* – *печенье*, *пред* – *перед* – *предок* – *передок*.

Эволюция звуков, морфологического состава слова и фонетического состава морфем позволяет зафиксировать историческую непрерывность и изменчивость состава морфем и эволюцию их значения. Сравните: *смерть* – *мертвый* – *смертный*, *падать* – *падёж* – *падеж*, *на-ча-ло* – *кон-ец*, *в голове* – *во главе*.

Прослеженная непрерывность эволюции языков является основным доказательством их родства. Все языки, гипотетически выделенные как родственные, признаются родственными лишь тогда. Когда доказана непрерывность эволюции их звуков и морфемного состава до современного

состояния и показана точка дивергенции на линии непрерывности. Доказательством непрерывности эволюции завершаются аналитические процедуры сравнительно-исторического метода.

Анализ позволяет рассмотреть непрерывность отношений между языками и тем самым доказать происхождение всех языков одной семьи из общего языка-основы. В задачу синтеза входит упорядочение исторических отношений между языками, классификация языков внутри семьи по их историческим соотношениям и систематизации всех фактов непрерывности эволюции в их отношении к посторонним (относительно непрерывности эволюции) влияниям.

Синтез осуществляется с помощью построения реконструкций, классификаций и выведения этимологий. Эти методы находятся во взаимной связи, каждый из них и все вместе представляют гипотезы об историческом процессе. Эти гипотезы верифицируются и прямо – языковыми фактами, и косвенно – свидетельствами разных исторических источников, данными истории материальной культуры, свидетельствами документов, дешифровкой письменных памятников. <...>

<...> Историческое истолкование современного языка (единиц и системы) есть его этимология. Слово «этимология» имеет узкий и широкий смысл. Этимология в узком смысле слова есть прослеживание исторической судьбы значений слов и морфем по данным сравнительно-исторического анализа языка. Слово, корень или аффикс прослеживаются в их фонетической и смысловой трансформации вглубь истории и в корреспонденциях по родственным языкам. При этом происходит анализ слов и морфем с точки зрения их исконного происхождения или заимствования. Если звуковой состав слова не объясняется фонетическими законами, а звуковой облик слова близок к звуковому облику сходного по значению слова в родственном языке, то можно предположить либо заимствование из родственного языка, либо исключение из фонетических законов (исключения по типологическим данным из фонетических законов встречаются с разной степенью частоты в языках разных типов). Если слово сохраняет звуковой облик характерный для определенного периода существования родственного языка, то можно определить и примерное время заимствования. Если этого сделать не удастся, то приходится признать возможность действия исключения из фонетических законов. Если звуковой состав слова не напоминает звуковой состав слова в родственных языках, то приходится признать его либо заимствованным из неродственных языков, либо результатом некоторого спонтанного образования. Это проверяется обращением к неродственным языкам.

Определение происхождения слова позволяет проследить динамику изменений значений слова. Правда, это происходит без обращений к текстам и потому лишено конкретности, но общее направление изменения значений прослеживается достаточно точно. Так составляются этимологические словари современных языков, представляющие собой один из видов синтеза

в сравнительно-историческом методе. Этимологические словари (например, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера) обычно рассчитаны на практическое применение в области стилистики и культуры речи.

Этимология в широком смысле слова есть общий итог применения сравнительно-исторического метода. Она представляет собой историческое обоснование внутренней формы современного языка. Внутренняя форма языка, т. е. специфический для данного языка способ передавать звуками значения, раскрывается сравнительно-историческим методом относительно всей совокупности связей звука и смысла слов: общих отношений способов выражения лексического и грамматического значений в слове, истории звуков речи, истории форм словообразования и словоизменения. Этимология в широком смысле слова используется при построении специальных лингвистических дисциплин, таких, как история языка, история литературного языка, диалектология и др.

(Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 1990. С. 191-203.)

ТЕКСТ 23. В.В. ВИНОГРАДОВ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Литературный язык – общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов – язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и в устной. Вот почему различаются письменно-книжная и устно-разговорная формы литературного языка, возникновение соотношение и взаимодействие которых подчинены определенным историческим закономерностям. <...>

<...> Литературный язык есть не подлежащая никакому сомнению языковая реальность. Литературный язык является средством развития общественной жизни, материального и духовного прогресса данного народа, орудием социальной борьбы, а также средством воспитания народных масс и приобщения их к достижениям национальной культуры, науки и техники. Литературный язык – всегда результат коллективной творческой деятельности. <...>

Среди общих закономерностей развития литературных языков народов Запада и Востока отмечается важная закономерность, характерная для эпохи феодализма, предшествующей образованию национальных литературных языков, – это употребление в качестве письменного литературного языка не своего, а чужого языка. В эту эпоху границы литературного языка и народности не совпадают. Литературным языком у иранских и тюркских народов долгое время считался классический арабский язык; у японцев и корейцев – классический китайский; у германских и западнославянских народов – латинский; у южных и восточных славян – язык старославянский (древнеболгарский), в Прибалтике и Чехии – немецкий. Письменно-

литературный язык мог быть при этом языком совершенно иной системы (китайский для корейцев и японцев), мог быть языком той же системы (латинский язык для германских народов), мог быть, наконец, не только языком той же системы, но и языком чрезвычайно близким, родственным (латинский для романских народов, старославянский для южных и восточных славян).

Вторая закономерность, вытекающая из первой, – это различия, связанные с историческим своеобразием использования в отдельных странах (например, славянских) чужого языка (например, применительно к западнославянским народам: к польскому – латинского, к чешскому – латинского и немецкого, к южнославянским и восточнославянским народам – старославянского языка, хотя бы и родственного), и различия в общественных функциях, сферах применения и степени народности – письменных литературных языков. В конкретно-историческом воплощении этой закономерности наблюдается значительное своеобразие, обусловленное культурно-историческими и социально-политическими условиями развития отдельных славянских народов (например, чешского в раннем и позднем средневековье).

Третья закономерность развития литературных языков, определяющая различия их качеств и свойств в донациональную и национальную эпохи, состоит в характере отношения и соотношения литературного языка и народно-разговорных диалектов, а в связи с этим – в структуре и степени нормализации литературного языка. Так, письменная речь в древнейшие эпохи у европейских народов в разной степени насыщена диалектизмами. Сравнительное изучение деловых текстов с произведениями художественной литературы поможет распознать и сочетать отдельные диалектные черты, которые легли в основу литературных норм.

Четвертая закономерность связана с процессами нормализации общелитературного языка, базирующегося на народной основе, и с отношением его к старой литературно-языковой традиции. К концу феодального периода (в одних государствах с XIУ – ХУ вв., в других – с ХУI – ХУII вв.) народный язык в разных европейских странах в той или иной степени вытесняет чужие языки из многих функциональных сфер общения. Так, королевская канцелярия в Париже пользуется французским языком в отдельных документах уже во второй половине XIII в. но окончательный переход на французский язык совершается здесь на протяжении XIУ в. Латинский язык в конце ХУI – начале ХУII в. постепенно теряет в Польше функции делового и административного языка. <...>

Пятая закономерность развития литературных языков в разные периоды их истории – это сложные стилистические взаимоотношения между разными системами выражения при становлении общенациональной нормы литературного языка. Например, сложная проблема теории трех стилей во французском языке ХУI – ХУII вв. и в русском литературном языке ХУII

– начала XIX в. Та же в основном проблематика возникает по отношению к болгарскому и отчасти сербскому литературному языку XIX в., по отношению к старочешскому книжному и разговорному языку в истории чешского языка начала XIX в. <...>

<...> Литературный язык в разные периоды развития языка народа занимает в его системе разное место. В разные периоды образования... наций литературным языком владеют ограниченные социальные группировки, основная же масса сельского, а также городского населения использует диалект, полудиалект и городское просторечие; тем самым национальный язык, если считать его ядром литературного языка, оказался бы принадлежностью лишь части нации.

Только в эпоху существования развитых национальных языков... литературный язык как высший нормированный тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и становится как в устном, так и в письменном общении выразителем подлинной общенациональной нормы.

Основным признаком развития национального языка, в отличие от языка народности, является наличие единого, общего для всей нации и охватывающего все сферы общения нормированного литературного языка, сложившегося на народной основе: поэтому изучение процесса укрепления и развития общенациональной литературной нормы становится одной из главных задач истории национального литературного языка. <...>

В истории литературного языка особенно резко выступает различие двух аспектов развития языка – функционального и структурного. Функции литературного языка в донациональную эпоху могут быть распределены между двумя и даже больше языками (ср., например, старославянский и народные языки у восточных и южных славян, латинский язык у германских и западнославянских народов и другие подобные явления у тюркских народов с арабским языком и т. д.). Самый характер распределения функций обусловлен социально-историческими причинами. Характерны в этом отношении различия между старославянским и латинским языками в степени охвата разных сфер функционально-общественной речевой деятельности (например, в сфере права и юрисдикции). Принцип «поливалентности» как один из признаков литературного языка исторически обусловлен. Его содержание и границы определяются билингвизмом (двуязычием) донациональной эпохи и непрерывностью развития у какого-либо народа своей собственной народно-языковой литературной традицией.

Закономерности структурного развития разных типов письменно-книжных языков очень различны в донациональную эпоху. «Чужой язык» (например, старославянский, латинский у славянских народов и у румын в западнославянских и германских странах) в качестве литературного языка в большей степени подчинен внешним факторам, чем внутренним законам своего развития. Одни и те же памятники церковнославянской письменности и книжно-славянского языка, например в истории древнерусской

литературы, переписываются – с некоторыми грамматическими и лексическими изменениями – с XI до XV в. и сохраняют свою актуальность. <...>

Основными признаками национального литературного языка являются его тенденция к всенародности или общенародности и нормативность. Понятие нормы – центральное в определении национального литературного языка (как в его письменной, так и в разговорной форме). По этому признаку литературно-разговорная форма национального языка нового времени резко отличается от разговорной койне преднационального периода. <...>

Так называемая поливалентность национального литературного языка, т. е. степень охвата им разных областей общественно-речевой практики, во многом зависит от специфики социально-исторических условий его развития. Так, украинский национальный литературный язык сначала развивается и закрепляется преимущественно в художественной литературе... потом распространяется на жанры публицистической и научной прозы и лишь впоследствии – на разновидности прозы официально-документальной и производственно-технической. Близкие процессы наблюдаются в истории образования белорусского литературного языка. <...>

Для национального литературного языка и его развития типична тенденция к функционированию в разных сферах народно-культурной и государственной жизни – как в устном, так и в письменном общении – в качестве единого и единственного. Обычно разрыв между письменной и народно-разговорной разновидностями литературного языка выступает как препятствие к развитию единой национальной культуры на пути прогресса народа в целом (ср. современное положение в странах Арабского Востока, Латинской Америки). Тем не менее в некоторых странах формирование и развитие национального литературного языка еще не освободило народ от двух его вариантов (например, в Норвегии, Албании, Армении), хотя и здесь тенденция к единству национального литературного языка все усиливается. Общей чертой развития национальных языков является проникновение литературной нормы во все сферы и формы общения, речевой практики. Национальный литературный язык, все более вытесняя диалекты и ассимилируя их, постепенно приобретает общенародное значение и распространение.

(Краткая литературная энциклопедия.
М., 1967. Т. 4. С. 323-331.)

ТЕКСТ 24. А. МЕЙЕ. О РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВ ОТ ЭПОХИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ ДО ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

* * *

Антуан Мейе (1866 – 1936)

А. Мейе – французский языковед, компаративист, один из основоположников социологического направления в языкознании. Секретарь и фактический руководитель

Парижского лингвистического общества, организатор института славяноведения во Франции.

Наибольшую известность в области индоевропеистики получила его книга «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» (русское издание 1938). Большое значение для сравнительно-исторического и общего языкознания имели двухтомные работы «Лингвистика историческая и общая» (1921 – 1926) и «Индоевропейские диалекты» (1906), а также книга «Сравнительный метод в историческом языкознании» (1925).

А. Мейе является автором ряда трудов по славистике, в том числе двухтомного «Исследования в области этимологии и словарного состава старославянского языка» (1902 – 1904) и «Общеславянский язык» (1924).

* * *

Сравнение позволяет... восстановить «общий язык», который, развиваясь, принимает с течением времени разные формы, превращающиеся в разные языки одной и той же семьи. Остается отдать себе отчет в том, что установить, что происходило между эпохой «общности» и временем появления первых памятников – проблема трудная, часто неразрешимая.

Разумеется, в помощь следует привлекать промежуточные периоды общности, если можно точно определять их или хотя бы наметить. Таким путем удастся по возможности уменьшить разрыв между «общим языком» и исторически засвидетельствованными языками. Однако, как указывалось ранее, эти периоды общности не всегда существовали, а если они и существовали, то не всегда оказывается возможным использовать их. Если же и удастся привлечь данные таких «общих языков», то в применении далеко не ко всем явлениям. Даже в лучших случаях между «общим языком» и засвидетельствованными языками остается большая пропасть, а интерполяции, которыми пытаются заполнить эту пропасть, бывают в значительной мере неточными и произвольными.

Рассмотрение самих лингвистических фактов недостаточно для установления даже начатков хронологии. Темп лингвистических изменений колеблется в очень широких пределах. Есть языки, которые в течение многих веков пребывают почти без изменения. Тюркские наречия, известные с XI в., до сих пор сохраняют свои существенные черты и незначительно изменились, хотя с тех пор, как они впервые были засвидетельствованы, прошло почти тысячелетие. История полинезийских наречий весьма мало изучена: поразительным кажется, что, несмотря на огромные расстояния, разделяющие острова Полинезии, эти наречия сохраняют большую близость друг к другу. Подобные случаи нередки: языки малоцивилизованных народов часто обладают большой устойчивостью.

Быстрое обновление лексики, приписываемое иногда языкам полудицилизованных народов, объясняется, по крайней мере отчасти, своеобразными обычаями, связанными с употреблением слов. Нередко у полудицилизованных народов те или иные слова оказываются под запретом; например, после смерти человека на слово, входящее в состав его имени, налагают табу. Поэтому путешественник, ознакомившийся с лексикой

определенного говора, при возвращении в ту же местность через несколько лет, сталкивается уже с другим словарем, во многом отличным от прежнего. Тальбицер сообщил недавно о подобном случае у эскимосов. Однако из этого еще не следует, что основа языка также изменчива.

Наблюдаются, с другой стороны, и быстрые изменения системы языка. Латинский язык, несомненно, сохранял еще многие древние черты в III и даже в V вв. н. э. (таковы, по крайней мере, литературные свидетельства). Но уже в IX в. романские языки выработали свои существенные черты, причем важнейшие изменения произошли еще в VI в., как можно судить по памятникам латинской письменности меровингской эпохи. Серьезные изменения, превратившие древнеармянский язык в новоармянский, начались не ранее V в. н. э., а закончились не позже X в. С тех пор армянский язык уже не переживал таких глубоких изменений. В VI в. до н. э. персидский язык имел еще архаический вид; в I в. н. э. он имел уже современный вид; последующие его изменения не могут идти ни в какое сравнение с совершившимися в то время.

Следовательно, время – лишь одно из условий, от которых зависит значительность изменений. Как неизменность древнего состояния не свидетельствует о краткости периода, протекшего с момента распада первоначальной общности, так и значительное обновление форм не предполагает обязательно длительного промежутка времени. Каких-либо иных указаний лингвистические явления не дают; поэтому ничего нельзя сказать, даже приблизительно, о времени, которое понадобилось для новообразований.

Хронология не может указать, насколько тот или иной язык уклонился в своем развитии от «общего языка»; только два семитских языка сохранили склонение: один из них – аккадский – относится к началу второго тысячелетия до н. э., другой же – арабский – к VII в. н. э.; в то же время в прочих семитских языках, засвидетельствованных гораздо раньше арабского, например в древнееврейском и арамейском, склонение имен уже было утрачено.

Подготовительные периоды

Некоторые языковые процессы на первый взгляд поражают своей стремительностью. На самом же деле новообразованиям предшествует долгий подготовительный период. Изменения совершаются обычно лишь в результате длительной работы.

Один из важнейших процессов, обусловивших переход от древнего общеиндоевропейского типа к современному типу индоевропейских языков, состоит в утрате музыкального ударения и количественного ритма. Ведийские и древнегреческие памятники дают достаточно четкое представление об этом древнем типе, в котором «ударение» состояло в повышении голоса и не было ритмической вершиной слова; оно играло семантическую роль, подобную той, какая свойственна тонам, т. е. повышениям и понижениям голоса в китайских и суданских наречиях. Ритм

слова полностью определялся чередованием долгих и кратких слогов. Сравнение ряда языков подтверждает, что таков был тип общиндоевропейского языка. Этот звуковой тип везде исчез; в греческом и латинском он исчез в эпоху Империи. Ритм перестал основываться на чередовании кратких и долгих слогов, некоторые долгие гласные сокращались; в других случаях все без исключения гласные утрачивали количественные различия. Прежнее «ударение» стало ритмической вершиной слога. Слова становятся «центрированными», чего раньше не было, а следовательно, произношение в целом меняет свой характер. Когда завершилось это преобразование, слог, на который раньше падало музыкальное ударение, приобрел особое значение, в то время как прочие элементы слова стали относительно второстепенными. Известно, что в романских языках судьба ударного слога существенно отличается от судьбы остальных слогов. Специфически французское изменение лат. *caballum* во франц. *cheval*, относящееся, примерно, к IX в., является лишь одним из последствий утраты количественного ритма и изменения характера прежнего ударения, которое произошло в латинском языке времен Империи, но началось на самом деле, как указывают различные факты, гораздо раньше – прежде, чем появились первые памятники латинской письменности (т. е. перед 111 в. до н. э.). Изменение *caballum* в *cheval*, произошедшее довольно быстро, сразу бросается в глаза. Подготовку же этого изменения, происходившую в течение долгих веков, почти невозможно заметить.

Такие подготовительные периоды переживались на всей индоевропейской территории, но, как правило, в доисторическую эпоху или в условиях, в которых нельзя было проследить это развитие. История греческого и латинского языков дает некоторое представление о том, как могли протекать эти явления. Однако на основании истории этих языков нельзя судить о всех изменениях, которые произошли в индоиранских языках; так, например, развитие ритма шло в них, очевидно, по совершенно иному пути. Но в общем подготовка такого рода происходила повсюду.

Вообще то, что наблюдается в индоевропейских языках, является результатом внезапных потрясений, следовавших за подготовительными периодами. Потрясений, благодаря которым язык получил новый вид, отличный от индоевропейского типа.

На всей индоевропейской территории наблюдается тенденция к исчезновению именного склонения. Этому исчезновению благоприятствовали тенденции к сокращению конца слова, вследствие чего приметы падежных форм, помещавшиеся в конце слова, постепенно теряли свою четкость. Но самым существенным было то, что падежную флексию мало-помалу заменили другие средства выражения. Уже в доисторический период нельзя было удовлетвориться падежными формами для обозначения местных отношений. Обязательное употребление предлога в латинских конструкциях типа *eo in urbem*, *habito in urbe*, *venio ex urbe* вовсе не является изолированным случаем. Подобные факты наблюдаются в большинстве

индоевропейских языков с начала исторической эпохи, так что случаи полного сохранения семантики местных падежей являются лишь одиночными пережитками. В таких условиях падежная флексия становилась излишней, и неудивительно, что язык или ограничивал ее, или полностью избавлялся от нее.

Трудность, а порой и невозможность проследить развитие языка между периодами первоначальной общности и историческими периодами заключается не только в том, что нельзя исчислить время, которое потребовалось для изменений, и что подготовительные периоды протекают почти незаметно; существует много других затруднений.

Параллельное развитие

Дальнейшие изменения в значительной мере определялись состоянием общего языка и тем, как происходил его распад. Отсюда следует, что одинаковые или сходные изменения происходили даже после разделения и начала дифференциации языков, развившихся из «общего языка». Этот факт часто упускают из виду. Сравнительные грамматики обычно строятся так, как если бы все явления, совпадающие в разных языках, развившихся из одного «общего языка», относились к периоду первоначальной общности. Авторы сравнительных грамматик, конечно, не думают этого; они никогда не решились бы утверждать это, иногда они даже делают по этому поводу оговорки. Изложение ведется все же так, как если бы авторы допускали подобную гипотезу. Это особенно заметно, например, в замечательном Grundriss К. Бругмана... А между тем нет ничего более далекого от действительности, чем эта гипотеза.

Возьмем, например, показатель $-m$ 1 лица единственного числа в славянских языках; он встречается во множестве глаголов большинства современных славянских языков и даже является нормой во всех глаголах сербскохорватского языка. Однако в общеславянском языке это окончание мы находим лишь у четырех-пяти неправильных глаголов. Оно стало распространяться главным образом в чешском, и сербскохорватском языках уже в историческую эпоху, в средние века. К этому времени славянские языки давно разделились, и в каждом из них имелись независимо возникшие новообразования, к тому же неодинаковые в разных языках.

Подобные факты наблюдаются в 1 лице единственного числа и в других языках: армянский язык также обобщил форму с показателем $-m$. Правда, здесь нам известен лишь результат процесса, конкретные же этапы его, подробности развития от нас ускользнули. Подобное новообразование появилось и в Индии и в Иране, но о том, как оно там произошло, почти ничего неизвестно. Сохранилось, к счастью, несколько древних иранских текстов – Гаты Авесты, где еще не обобщено окончание $-mi$; отсюда ясно, что, хотя санскрит и располагает формой $bhāgāmi$, а поздние части Авесты – $baḡāmi$ «я несу», добавление $-mi$ произошло после периода индоиранской общности, ибо в Гатах Авесты встречается только форма $baḡā$.

Соответствия между исторически засвидетельствованными формами в гораздо большей мере, чем принято думать, являются результатом параллельного развития уже разделившихся и обособившихся языков.

Если подобные образования осуществляются параллельно, но не независимо, то еще больше оснований для параллельного исчезновения некоторых древних черт. Благодаря тому, что еще в классический период в греческом языке соблюдалось известное правило... (сочетание глагола в единственном числе с существительным среднего рода во множественном числе) и что такое же правило строго выдержано в Гатах Авесты, мы знаем, что общеиндоевропейская форма так называемого именительно-винительного падежа множественного числа среднего рода была в действительности древним собирательным именем. Однако такой архаический язык, как индийский, почти не знает этой формы. В латинском языке стало нормой употребление глагола во множественном числе при существительном среднего рода во множественном числе; то же произошло в славянском, кельтском и германском. Эта особенность в конце концов исчезла даже в греческом. Итак, там, где языки не сохранили весьма архаических форм, т. е. почти везде, значительная часть явлений промежуточного периода остается неизвестной для науки.

Сложности развития

Но развитие языка не сводится только к утрате старых образований и возникновению новых, которым суждено сохраниться. Развитие языка – дело сложное, и не следует питать иллюзий, что нам удастся объяснить все возникшее в промежуточные периоды или же восстановить многообразные процессы тех эпох.

По текстам можно проследить историю греческого языка от V в. до н. э. до настоящего времени; этот пример дает нам возможность судить о тех новообразованиях и утратах, в результате которых язык достиг своего современного состояния.

Так, еще в доисторическую эпоху каждый глагол греческого языка образовывал будущее время; позднее, в византийский период, это будущее время было отброшено и заменено совершенно новым образованием.

Греческий язык унаследовал от индоевропейского один тип перфекта. В доисторическую и историческую эпохи употребление перфекта расширилось, число его форм умножилось, выработались приемы, благодаря которым почти каждый глагол мог образовать перфект. В аттический период перфект был необходимой и широко употребительной формой глагола. Позднее он вышел из употребления; в современном греческом спряжении перфекта нет.

Итак, если бы греческий, подобно славянскому, был известен только с IX в. н. э., языковеды не подозревали бы даже, что, прежде чем дойти до современного состояния (в котором каждый глагол пережил длительный период пышного развития будущего времени и перфекта, когда возникали различные новообразования), многократно переделывались и менялись

формы. Языковед, проследивший лишь конечный результат, не имел бы никакого представления обо всем. А между тем большинство индоевропейских языков известно лишь после начала нашей эры, т. е. в эпоху, когда уже закончились те сложные процессы развития, фактические свидетельства которых можно наблюдать в греческом языке; таким образом, лингвисту неизвестно, что происходило в этих языках в действительности.

Поэтому тщетно надеяться на то, что удастся с уверенностью объяснить все новые формы, образовавшиеся между периодом общности и историческими эпохами. Не следует удивляться тому, что языковедение смогло выдвинуть лишь сомнительные и шаткие гипотезы относительно происхождения латинского перфекта на *-ui*, греческого страдательного перфекта на *-ουν*, готского претерита на *-da (-ta)* и т. д. Эти формы возникли в результате длительного развития в те периоды, о которых мы не имели положительных сведений.

Следовательно, мы не можем восстановить то далекое состояние языка и установить, в каких условиях возникали эти новообразования. Стремиться объяснить их во что бы то ни стало, надеясь найти убедительные доказательства при помощи сравнения, значит забыть о границах сравнительного метода.

Между периодом общности и исторически засвидетельствованными периодами происходили процессы, которые нельзя целиком восстановить; чем длиннее, а главное, чем богаче новообразованиями промежуточный период, тем больше остается неизвестного.

(Мейе А. Сравнительный метод в историческом языковедении.
М., 1954. С. 41-48.)